

УКД 81-115

Осипова А.А.*Московский городской педагогический университет***ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДОВ РЕЛИГИОЗНОГО ТЕКСТА НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ КНИГИ ПРИТЧЕЙ СОЛОМОНОВЫХ)**

Аннотация. В настоящей статье представлен сравнительный анализ фрагмента Книги Притчей Соломоновых в двух русских переводах – Синодальном и Современном. В качестве материала была выбрана притча о премудрости и глупости (один из немногих фрагментов данной части Библии, имеющих относительно оформленную композицию). Работа с двумя текстами позволила выявить их несоответствия, которые могут быть классифицированы как лексические, синтаксические, коннотативные. Обращение к более ранним переводам Священного Писания (Вульгате и Елизаветинской Библии) позволяет в некоторых случаях установить причины несопадений и оценить степень влияния выбора переводчика на уровень восприятия текста.

Ключевые слова: перевод, текст, расхождение, лексический, коннотативный, смысл.

A. Osipova*Moscow City Pedagogical University***SPECIFICS OF TRANSLATION OF RELIGIOUS TEXT INTO THE RUSSIAN LANGUAGE (THE BOOK OF PROVERBS)**

Abstract. The present paper contains the comparative analysis of the Book of Proverbs represented in two Russian translations – Synodal and Modern. The parable about wisdom and stupidity was chosen as a material of the research (that is one of few fragments of the part of the Scripture which has complete composition). In the comparative analysis of the two texts divergences of different types were found. These divergences can be classified as lexical, syntactic and connotative. In some cases the explanation of the translators' choice can be found with the help of analysis of earlier texts – Vulgate and Bible of Elisabeth in the Church Slavonic language.

Key words: translation, text, divergence, lexical, connotative, meaning.

Книга Притчей Соломоновых включена в ветхозаветную часть библейского повествования и имеет статус дидактической книги, что вполне оправдано, так как в данной части Священного Писания содержатся некоторые изречения царя Соломона относительно разных аспектов бытия. «Из 915 стихов этой Книги не менее трети – это афористические изречения об ис-

точнике материального богатства, его использовании, о труде, благотворительности, устройстве домашнего хозяйства и торговле» [6]. А.А. Олесницкий говорит о нестандартности композиции данной книги, указывая, что «между собранными здесь наречениями часто нет логической связи» (*орфография современная.* – А.О.) [7, с. 4]. Не следует забывать, что в *Книгу* вошли далеко не все изречённые Со-

© Осипова А.А., 2014.

ломоном в течение жизни притчи. Как бы то ни было, царь Соломон является очень значимой исторической фигурой, поэтому его жизнеописание и «мудрости», призванные определять образ существования современников и потомков, в процессе межъязыковой передачи библейского текста должны быть переданы максимально точно. Однако сравнение двух переводов Священного Писания на русский язык позволяет выявить целый ряд их несоответствий друг другу, вследствие чего в настоящей статье мы попытаемся определить тип таких несоответствий и их существенность. Обратимся к *Книге Притчей Соломоновых* в вариантах Синодального (далее – *СП*) и Современного русского (далее – *СРП*) переводов. Скажем, что в некоторых случаях сравнения двух текстов оказывалось недостаточно, и возникали предположения, что выбор языковых средств в большей или меньшей степени определялся уже существующими переводами Священного Писания. В таких случаях мы считаем целесообразным обращение к церковнославянскому и латинскому переводам.

Уже в первом предложении притчи, представленной в двух русских переводах, находим расхождения лексико-синтаксического плана, которые, однако, не сказываются на точности передачи содержания текста:

– «Премудрость построила себе дом, вытесала семь столбов его...» (*СП*, *Притч.* 9:1) [2];

– «Премудрость построила себе дом, семь столпов поставила тесаных...» (*СРП*, *Притч.* 9:1) [1].

Следует отметить, что в Синодальном переводе употребляется слово «столб», а в Современном – его уста-

ревший вариант. Согласно словарям, первое значение семантической структуры этих слов совпадает и обозначает «колонну» [5, т. 4; 9]. Безусловно, различия в организации текста позволяют по-разному толковать информацию о процессе создания этого дома, однако, всё высказывание носит метафорический характер, поэтому едва ли различия в толковании существенно влияют на точность передачи оригинального текста. При этом Синодальный перевод в данном случае близок к латинской версии *“sapientia aedificavit sibi domum excidit columnas septem”* [4].

Компонентные несовпадения двух переводов находим в продолжении притчи:

– «Заколола жертву, растворила вино свое и приготовила у себя трапезу...» (*СП*, *Притч.* 9:2) [2];

– «...приготовила мяса и пряных вин, накрыла на стол...» (*СРП*, *Притч.* 9:2) [1].

В двух вариантах этого фрагмента расхождений довольно много. Во-первых, обратим внимание на глагол, употреблённый в Синодальном переводе, называющий действие, производимое с вином. Согласно словарю В.И. Даля, данный глагол может подразумевать сочетание «*растворить вино водою*», в составе которого имеет значение «*разжижать, размешивать жидкостью*» (*орфография современная*. – А.О.) [5, т. 4, с. 5]. Отметим, что в церковнославянской версии данная фраза выглядит следующим образом: «...*раствори в чаши своей вино*...». В Современном переводе одно сказуемое «*приготовить*» имеет два дополнения (*мясо и вино*). Интересно, что в латинской версии использован глагол *“miscere”*, в семантической структуре

которого есть и значение «*мешать, смешивать*», и значение «*приготовить*». В Синодальном переводе – два сказуемых, каждое из которых имеет дополнение. Так, глагол «*заколоть*» имеет дополнение «*жертву*», которое соответствует современному «*приготовить мясо*». Отметим, что в данном случае Синодальный перевод вновь максимально близок к латинской версии, где данный фрагмент выглядит следующим образом: “*immolavit victimas...*” [4]. Последняя часть данного фрагмента в двух переводах также представлена по-разному. В Синодальном переводе употреблена лексема «трапеза», которая, согласно словарю В.И. Даля, означает «*стол с пищею, с яствами, обед, ужин*» [5, т. 4, с. 426]. Отметим, что в русском языке XIX в. слово «стол» существовало, однако авторы данного текста выбрали менее общеупотребительную лексему, имеющую более специфическую семантическую структуру. В латинском переводе употребляется слово “*mensa*”, в семантической структуре которого первое значение – «*стол*», второе – «*кушанье, яства, трапеза*» [9].

Интересно ещё одно, не очень существенное, на наш взгляд, для передачи смысла текста в целом, расхождение. В Синодальном переводе речь идёт о «*слугах*», которым даёт поручение премудрость; в Современном переводе употребляется слово «*служанки*». В латинском тексте также использована форма множественного числа имени существительного женского рода “*ancilla*”, что значит «*служанка, прислужница, рабыня*» [9]. Не исключено, что на Синодальный перевод оказал влияние церковнославянский текст, где также функционирует существи-

тельное мужского рода: «*...посла своа рабы...*» [3].

В словах премудрости, обращённых к людям и представленным в двух переводах, также находим некоторые расхождения:

– «*Идите, ешьте хлеб мой и пейте вино, мною растворенное...*» (СП, Притч. 9:5) [2];

– «*Приходите, ешьте мои яства, пейте пряные мои вина!*» (СП, Притч. 9:5) [1].

В первую очередь обратим внимание на значение слов «*хлеб*» и «*яства*», функционирующие в переводах. Слово «*хлеб*», согласно словарю В.И. Даля, в своей семантической структуре имеет следующее значение: «*всякая пища человека, харчи, продовольствие*» [5, т. 4, с. 552], в то время как слово «*яство*» имеет значение «*кушанья, еда (обычно изысканная, вкусная)*» [9]. Это различие имеет отношение не к семантическому, а скорее к коннотативному аспекту высказывания. Относительно лексемы «*вино*» следует отметить, что в Синодальном переводе снова употребляется компонент «*растворенное*», в Современном переводе появляется слово «*пряные*». Заметим, что в латинском переводе компонента «*пряные*» нет, но употребляется слово, означающее «*смешанный*».

В дальнейших поучениях премудрости находим следующие несовпадения:

– «*Поучающий кощунника наживет себе беславие, и обличающий нечестивого – пятно себе...*» (СП, Притч. 9:7) [2];

– «*Поправишь наглеца – не миновать оскорбления, упрекнешь нечестивца – лишь себе на позор*» (СП, Притч. 9:7) [1].

Обратим внимание на первую часть предложения: слова «кощунник» и «наглец» употребляются в двух переводах соответственно. Анализ семантической структуры данных слов позволяет заключить, что значения их не совпадают. Так, «кощунник», согласно словарю В.И. Даля, – тот, кто «насмежается над священными предметами, отзывается об них с презрением, бранно, пошло; сквернит, оскверняет» [5, т. 2, с. 183]. «Наглец», согласно словарю современного русского языка, – «наглый человек, нахал». Слово же «наглый», в свою очередь, определяется как «крайне нахальный; дерзкий, бесстыдный». Таким образом, даже частичных совпадений семантических структур у данных слов нет. Сомнительным, на первый взгляд, представляется и соответствие слов «бесславиe» и «оскорбление». Лексема «бесславиe» (орфография современная) трактуется словарём В.И. Даля как «отсутствие доброй славы; бесчестие, стыд, срам, позор, поругание, поношение; дурное мнение, молва, слава о ком» [5, т. 4, с. 73]. Лексема «оскорбление» в современном русском языке обозначает результат оскорбления, которое, в свою очередь, понимается следующим образом: «крайне обидеть, унизить кого-либо, уязвить в ком-либо какие-либо чувства; осквернить, унижить чем-то неподобающим» [9]. Из приведённых дефиниций видно, что частично семантические структуры слов, выбранных авторами разных переводов, совпадают, поэтому говорить о каком-либо семантическом расхождении в данном случае, как это ни странно, не приходится. Любопытно, что в церковнославянском тексте имеется два варианта данного фрагмента: «изобличаай же нечестиваго порочна

сотворить себе (*Сѣбличеніа бо нечестивомоу раны емоу)» [3].

Интересным представляется следующее расхождение в выборе лексем в двух переводах:

- «...науци правдивого, и он приумножит знание...» (СП, Притч. 9:9) [2];
- «...науци праведного – еще разумнее будет...» (СРП, Притч. 9:9) [1].

Слово «правдивый», согласно Словарю Академии Российской, трактуется как «любящий, хранящий, наблюдающий правду; основанный на правде» [8, с. 1044]. Слово «праведный» в современном русском языке понимается как «строго соблюдающий правила религиозной морали; благочестивый, безгрешный; отвечающий правилам религиозной морали, нормам нравственности» [9]. Совершенно очевидно, что семантические структуры данных слов не совпадают, и можно говорить о смысловом расхождении, причиной которого становится выбор данных лексем.

Сравнение двух переводов даёт возможность выявить случаи компонентного расхождения фрагментов, которые никоим образом не влияют на их содержательную составляющую, например:

- «Потому что чрез меня умножатся дни твои...» (СП, Притч. 9:11) [2];
- «Со мной, Премудростью, продолятся твои дни...» (СРП, Притч. 9:11) [1].

Речь идёт о появлении слова «Премудрость» в современном переводе. Безусловно, понятно, что повествование ведётся от её (премудрости) «лица», однако употребление данного слова несколько облегчает читателю восприятие, избавляя его от необходимости задумываться над тем, какое

слово замещает предыдущее местоимение. Отметим, что в латинской версии, как и в Синодальном переводе, данное слово отсутствует. Церковнославянский вариант в данном случае отличается от обеих русских версий: «...и приложатся тебѣ лета живота твоегѡ...» [3].

Далее хотелось бы обратить внимание на строфы 13-15, где речь идёт о *Глупости* и её действиях. Интересно, что в Синодальном переводе глупость как самостоятельный персонаж (аналогичный *Премудрости*) как таковой не обозначается. Повествование о ней начинается словами: «Женищина безрассудная, шумливая, глупая и ничего не знающая садится у дверей дома...» (СП, Притч. 9:13-14) [2]. Такое языковое оформление не даёт возможности персонифицировать субъект. Отметим также, что подобная организация характерна и для латинского текста («*mulier stulta at clamosa plenaque inlecebris et nihil omnino sciens sedit in foribus domus...*» [4]), и для церковнославянского («Жена безоумная и продерзала скоудна хлѣбомъ бываетъ, яже не вѣсть стыдѣдѣниа седе при дверехъ домон своегѡ...» [3]), который, однако, отличается от рассматриваемых переводов лексическим оформлением.

Итак, проведённый сравнительный анализ русских вариантов *Книги Притчей Соломоновых*, представленных в Синодальном и Современном русском переводах, позволил выявить несовпадения разных планов. Наиболее интересными и требующими особого внимания, на наш взгляд, являются лексические несовпадения, которые возникают вследствие выбора разных слов, что, на первый взгляд, становится причиной смысловых несоответствий

двух переводов. Сравнение семантических структур слов, употреблённых в соответствующих фрагментах в разных переводах, довольно часто позволяет заключить, что частично или полностью их значения совпадают, и поэтому говорить о каком-либо различии переводов неправомерно. Также следует обращать внимание на то, что выбор синтаксической структуры или её лексических компонентов может производиться под влиянием более ранних переводов Священного Писания. В данном случае мы обращались к церковнославянскому и латинскому текстам Библии (Елизаветинская Библия и Вульгата). Следует признать, что в большинстве случаев Синодальный перевод совпадает с предшествующими текстами, в то время как современный перевод выглядит более независимым. Интересными кажутся случаи, когда более ранний текст предлагает два варианта одного предложения (вероятно, переводчики не могли окончательно определиться и не считали возможным опустить один из вариантов), а современные останавливаются на одном.

В заключение отметим, что при значительном количестве несовпадений, выявленных в процессе сравнительного анализа двух переводов, лишь незначительная их часть может быть названа фактическими, что доказывается обращением к толковым словарям русского языка того временного периода, когда создавались переводы. Следует, скорее, говорить о том, что языковое оформление двух текстов определяет их восприятие читателем. Так, Синодальный перевод иногда бывает чрезмерно архаизированным, а современный, за редким исключением, понятен любому носителю современного русского языка.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Источники:

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. Современный русский перевод. М.: РБО, 2011. 1404 с.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. В русском переводе с параллельными местами и приложением (Синодальный перевод). М.: РБО, 2011. 1408 с.
3. Елизаветинская Библия. Электронное издание. 2002 (репринт 1900 года). [Электронный ресурс]. URL: http://utsheniya.ru/p_3062.html (дата обращения: 20.10.2014).
4. Biblia Sacra Vulgata. Weber-Gryson. De Editione Quinta. Deutsche Bibelgesellschaft, Stuttgart, 2007 (1 ed. 1969). 1980 s.

Литература:

5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1980. Т. 2 (779 с.) и 4 (683 с.).
6. Лукин С.В. Притчи Соломоны об источнике богатства, труда и благотворительности // Проблемы современной экономики, №1/2 (13/14). 2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=737> (дата обращения: 02.07.2014).
7. Олесницкий А.А. Книга притчей Соломоновых (Мишле) и её новейшие критики. Киев: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1884. 144 с.
8. Словарь Академии Российской. Т. 4. СПб.: Тип. при Императорской Академии Наук, 1789. 639 с.
9. АBBYU Lingvo x5 электронный словарь. [Электронный ресурс]. АBBYU, 2011. Русский язык. Словари XXI в.. 1 диск CD-ROM.